

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor . Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXIV Buenos Aires, Martes 13 de Junio de 1972

Буэнос Айрес, вторник 13 июня 1972 года

№ 1164

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ В СВ. СЕРАФИМОВСКОМ ФОНДЕ В НЬЮ ИОРКЕ

26 января 1930 года генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов вышел утром из своей парижской квартиры в церковь, но оттуда не вернулся. Встревоченная семья сообщила полиции об его исчезновении.

Нашелся свидетель, сообщивший, что он видел, как в автомобиль втолкнули человека, похожего на пропавшего без вести русского генерала, но проверить это показание не удалось.

Эмигранты не сомневались в том, что Кутепов стал жертвой советского преследования, но улики не было. Если французское правительство ими располагало, оно до сих пор молчит, но нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Солженицын упомянул лестницу на Лубянке, по которой — по его словам — «водили всех заключенных центральной тюрьмы». Он назвал некоторых, в том числе эмигрантов — Савинкова, Шульгина, Краснова и Кутепова. Вряд ли это было литературной вольностью. По возрасту и довоенной биографии, Солженицын не мог знать, был ли похищенный в Париже генерал доставлен в Москву, но после войны он мог это узнать от разделявших его заключение бывших чекистов.

Существует другое, бесспорное доказательство вины большевиков. Летом 1965 года журнал «Москва» опубликовал «Мертвую зыбь» — хвастливый рассказ Льва Никулина о чекистской провокации, направленной в двадцатых годах против русской эмиграции.

Никулин изобразил Кутепова непримиримым и активным врагом советской власти, но об его трагической судьбе не сказал ни слова. Однако, 22 сентября 1965 года «Красная звезда» напечатала письмо генерал-полковника Шиманова, похвалившего автора «Мертвой зыби» за то, что он «восстановил в памяти народа забытые, ранее оклеветанные бандой Берии имена честных и преданных родине чекистов».

«К сожалению — прибавил Шиманов — о некоторых погибших, потом реабилитированных товарищах, сказано слишком мало... Отведены только две строчки организатору поимки Савинкова, чекисту Пузицкому, а комиссар государственной безопасности 2-го ранга Сергей Васильевич Пузицкий был участником гражданской войны, твердым большевиком-ленинцем, воспитанником Дзержинского. Он участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной монархической организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и других белогвардейских организаторов и вдохновителей военной разведки и гражданской войны».

**

Кем был человек, ради которого чекисты пошли на риск этой — как выразился Шиманов — «операция» в столице иностранного государства?

Он был прославленным белым военачальником, но Москва знала, что вооруженная борьба не возобновится на русской территории в существовавшей тогда внутренней и внешней обстановке.

Он был проницательным политиком и — как сказано в воспоминаниях князя С. Е. Трубецкого — «слишком трезвым практиком, чтобы придавать значение детально разработанным вне времени и пространства программам будущего государственного устройства России».

«Возрожденную Россию — говорил он

— нужно строить, отнюдь не копируя старую, но и не обрывая исторической преемственности с лучшими традициями прошлого... Неизмеримо глубоко пережитые потрясения и социальные сдвиги».

Он был обаятельным и сильным. Это признавали даже люди, политически от него далекие. Так, например, еврейский общественный деятель Г. Б. Слюзберг написал в 1934 году:

«Фигура Кутепова нам всем представлялась легендарной. Его огромный организаторский талант, его абсолютное умение влиять на массы армии, всеобщее к нему уважение офицерского состава —

как-то самой собой... Лишь в борьбе обретаем мы свое отечество».

Чекисты не сомневались в том, что этот призыв к активности не был пустой фразой. Именно поэтому они решили Кутепова уничтожить. Есть основание предположить, что в этом им помогли предатели-эмигранты — Скоблин, Плевацкий, Третьяков.

Охоту на Кутепова большевики начали за несколько лет до его похищения. Их орудием стала организация, которую Шиманов в «Красной звезде» назвал Трестом.

**

General Kutepoff.

все это окружало имя Кутепова особым обаянием».

По мнению того же Слюзберга, Кутепов был вождем, способным «очистить Россию от наносного зла большевизма и восстановить порядок, укрепить новый режим, согласный с народной волей».

Коммунисты это понимали. Знали они и то, что, говоря о потрясениях и сдвигах, Кутепов не хотел быть их пассивным наблюдателем.

«Не будем — сказал он в апреле 1929 года — предаваться оптимистическому фатализму и ждать, что все совершится

Словом «Трест», в переписке с Кутеповым и другими эмигрантами, пользовались для конспиративного обозначения якобы существовавшего в Москве тайного Монархического Объединения России возглавлявшие эту — выражаясь чекистским языком — «легенду» советские агенты: бывший генерал-лейтенант императорской службы, профессор советской военной академии Александр Медардович Зайончковский; бывший Российский военный агент в Черногории генерал-майор Николай Михайлович Потапов; бывший директор департамента

министерства путей сообщения, действительный статский советник Александр Александрович Якушев.

Было ли это Объединение сразу создано, как «легенда» или состоялось вначале из настоящих монархистов и стало ею после захвата руководства Якушевым и Потаповым, сказать трудно. Во всяком случае, с ноября 1921 года связь с эмигрантами оказалась в их руках.

**

Первым, под предлогом служебной командировки советского экспортного учреждения, за границу побывал Якушев. В Ревеле он встретился с Юрием Александровичем Артамоновым, которого знал до революции. Он рассказал ему, что в России существует тайная монархическая организация, возглавляемая Зайончковским.

Артамонов был моложе Якушева. Он воспитывался в Александровском Лицее, в 1914 году добровольно поступил на военную службу, был произведен в офицеры, участвовал в Белом движении в рядах Северо-Западной армии. Рассказ Якушева он сообщил по почте в Берлин, своему другу, князю Кириллу Ширинскому-Шихматову.

Никулин утверждает, что чекисты это письмо перехватили, что Якушев, вернувшись в Москву, был немедленно арестован, но что Дзержинскому легко удалось уговорить его стать не только тайным, но и усердным сотрудником чекистов по борьбе с эмиграцией, которую он якобы возненавидел за ее неосторожность.

Мне эта версия кажется недостоверной. Я многократно видел Якушева. Он не казался человеком, испытанным душевную драму. Я думаю теперь, что он был умным и ловким актером. В письме Шиманова он назван «товарищем» и «чекистом». Это позволяет предположить, что в Ревель он приехал по советскому заданию.

**

Через Артамонова Монархическое Объединение России, сокращенно называвшее себя М. О. Р., установило связь с Высшим Монархическим Советом, состоявшим из приверженцев великого князя Николая Николаевича. Затем был налажен контакт с польским генеральным штабом. Артамонов переехал в Варшаву и был там признан резидентом тайной русской монархической организации.

В августе 1923 года Якушев побывал в Берлине, участвовал там в совещании о созыве эмигрантского монархического съезда и был принят на французской Ривьере великим князем, которому сказал, что М. О. Р. «отдает себя в его распоряжение».

В октябре Потапов, перешедший с Якушевым границу из России в Польшу и снабженный польским паспортом, съездил в Париж и в Сремские Карловы, к великому князю и к Врангелю, который отнесся отрицательно к попытке вовлечь его в орбиту М. О. Р.

В начале 1924 года великий князь предложил Кутепову возглавить то, что тогда называли «работой специального назначения по связи с Россией». Согласно Кутепову можно считать днем рождения боевой организации.

«Опыта в революционной борьбе — написал значительно позже о Кутепове хорошо знавший его человек — у А. П. не было. Все приходилось создавать внове... Было необходимо, прежде все-

го, почувствовать биение сердца поработавшей России — узнать, чем живет и дышит русский народ и узнать не от посторонних лиц, а от своих верных и преданных людей... Они первые и начали свои походы вглубь России».

Переход границы был в те годы более легким, чем стал позже, когда проволочные заграждения, сторожевые вышки, прожекторы, многочисленные патрули и безлюдная пограничная полоса отделили Россию от внешнего мира, но и тогда нужны были мужество и готовность взглянуть смерти в глаза.

Скажу по собственному опыту — легче было перейти границу из России в свободную страну, чем в обратном направлении. Каждый шаг человека, уходящего с родины, приближал к спасению. Каждый, отдалявший от границы шаг увеличивал опасность.

В то время бытовая ткань дореволюционной России была уже искажена, но еще не уничтожена. Тайно проникший туда эмигрант видел много знакомых черт, но риск его подстерегал. Это испытывали даже те, кто, после соглашения Кутепова с М. О. Р., сами того не зная, охранялись бдительным оком чекистов.

Племянник генерала Врангеля, Петр Семенович Арапов, впоследствии погибший в Соловецком лагере, после двух «походов» приобрел уверенность в благополучном исходе третьего. Смелый по природе, снабженный всеми нужными бумагами, он перешел границу с помощью М. О. Р., сел в Минск в скорый поезд и вышел в коридор вагона покурить и взглянуть на мелькавшие за окном белорусские леса. Когда, с противоположного конца, в вагоне появился кондуктор и два железнодорожных чекиста, это его не встревожило. Предстоял, очевидно, обычный контроль, но, вопреки обыкновению, один из чекистов не вошел в первое купе, а направился прямо к нему.

«Сердце дрогнуло — рассказал Арапов после возвращения в Варшаву — а рука судорожно сжала в кармане браунинг. В одно мгновение нужно было решить, открыть ли стрельбу или выбежать на площадку и на ходу выпрыгнуть из вагона. Любое решение сулило смерть. Усилием воли я себя сдержал. Чекист подошел и сказал:

— Вы что, гражданин, забыли, что в проходе курить воспрещается? Три рубля штрафа!

Более острое волнение испытал мой друг, попавший в Польшу в 1920 году с отрядом генерала Бредова, интернированный поляками и, после освобождения, создавший доходное коммерческое дело. Душевно, оно ему было безразлично и он добивался участия в той политической работе, к которой я, по его мнению, несомненно был причастен.

Артамонову нужен был человек, готовый обслужить то, что мы называли «окном» — согласованное с М. О. Р. место перехода границы. Став проводником уходящих в Россию кутеповцев, мой друг покидал на два-три дня свое процветающее предприятие и, под предлогом деловой поездки, пробираясь к границе, утопая по колено в снегу или прыгая с одной болотной кочки на другую. Считая походы на родину опасными, он был огорчен тем, что их не испытывал и просил позволения побывать хотя бы в Минске.

Встреченный в пограничном лесу участником М. О. Р., он был туда доставлен, переночевал, а на следующее утро зашел побриться к одному из еще существовавших частных парикмахеров. Усадив его в кресло, брадобрей неожиданно спросил, давно ли он из Польши.

Человека, накануне перешедшего границу, этот вопрос ошеломил. Кое-как справившись с волнением, он назвал себя москвичем. Парикмахер промолчал, но мой друг не выдержал и, расплачиваясь, сказал:

— Почему вам показалось, что я из Польши?

— У нас — тихо ответил владелец парикмахерской — так не стригут...

Можно спросить, почему Кутепов, посылая людей в Россию, воспользовался предложенной ему помощью М. О. Р.?

Объяснение — мне кажется — в том, что первоначальная задача сводилась к разведке, к желанию узнать, чем стала страна после нескольких лет революции. Связь с тайной монархической организацией обеспечила кутеповцам относительную безопасность. Из них двое прожили в Москве долго.

Мария Владиславовна Захарченко,

Девический восторг и сердитые поношения

В 1958-ом году, тогдашний секретарь ЦК комсомола Семичастный обозвал великого русского поэта Бориса Пастернака — свиньей — за то, что Пастернак, чей роман «Доктор Живаго» был опубликован за рубежом, получил Нобелевскую премию по литературе. Мало кто знает сегодня, где этот Семичастный; работает на какой-то должности на Украине, никто о нем не вспоминает. Пастернака же издают, читают, любят все больше. Но, поистине, уроки не идут впрок советским руководителям. 24-го мая с. г. выступая перед советскими и иностранными корреспондентами, министр культуры Фурцева позволила себе грубые нападки на величайшего русского прозаика наших дней, Нобелевского лауреата Александра Солженицына.

Сперва Фурцева налегала на то, что, дескать, Нобелевская премия Солженицыну — это не литературная, а политическая награда. Но тогда один из американских корреспондентов громко спросил:

«А как же Шолохов?» Фурцева сделала вид, что не расслышала вопроса и переключила тему. Теперь она стала заявлять, что Солженицын, якобы, поднял руку на честь и достоинство своей страны, что он настроен против советского народа. Сказать такое про Солженицына, каждая строка которого наполнена слезами и кровью народной! Но оставим эти слова на крысиной совести Фурцевой, как осталось на чекистской совести Семичастного слово «свинья» по адресу Пастернака. Далее министр культуры СССР объявила, что Солженицын мол, получил денежную часть премии, а как он ею распорядился, это его личное дело. Фурцева настанвала, что никто не препятствует Александру Солженицыну поехать в Стокгольм и получить там диплом и медаль Нобелевского лауреата. Как известно, Солженицын в свое время отказался выехать в Стокгольм, так как выезд связан с унижительными формальностями, вроде анкет, характеристик и беседований в райкоме партии. Кроме того, писатель опасался, что его одного без семьи выпустят в Швецию и не разрешат вернуться. Известно

при первой встрече, казалась сдержанной и молчаливой. Знаящие ее лучше, называли ее смелой, волевой и охваченной жестокой ненавистью к большевикам.

На внешность она внимания не обращала, одевалась просто. К обветренному, загоревшему лицу косметика не прикасалась. Во всем облике было что-то твердое, мужское, но замужем она была дважды. Первый муж был убит на германском фронте, второй — в белой армии.

Георгий Николаевич Радкович стал офицером накануне революции, сражался с коммунистами, побывал в Галлиполи. С Марией Владиславовной его сблизил общий «поход» в Россию, где они, до начала апреля 1927 года, пользовались покровительством М. О. Р., торговали с лотка на одном из базаров и изредка возвращались в Париж или Гельсингфорс для доклада Кутепову о своих наблюдениях.

Общаясь с другими участниками Кутеповской организации, они ни разу не высказали подозрения в возможности советской провокации в М. О. Р. Верили провокаторам мои друзья, верил им и я.

Мы были молоды и воспитаны в традициях той России, для которой военный мундир был порукой чести. Мы не могли представить себе генерала Зайончковского или Потапова презренным срудием чекистов. Мы были, до известной степени, одурманены открывшейся перед нами возможностью легкой связи с Россией и благополучного оттуда возвращения.

В доверии к М. О. Р. нас укрепляло отношение генеральных штабов — финляндского и польского — к этой, как мы думали, тайной монархической организации. Мы создавали себя не бедными, бесправными эмигрантами, а звеньями мощного подпольного центра на русской земле. Наша зашифрованная, прошнурованная и запечатанная переписка с Кутеповым и с М. О. Р. переводилась в дипломатических вализах иностранными курьерами и — как теперь известно из воспоминаний бывшего польского офицера и дипломата Дриммера — не вскрывалась и не расшифро-

также, что Шведская Академия хотела вручить Солженицыну медаль и диплом в апреле нынешнего года и, что знаменитый английский писатель Грам Грин собирался присутствовать в Москве на церемонии вручения как представитель всемирной писательской организации Пенклуба. Но эта церемония в Москве не состоялась, так как в последний момент, постоянному секретарю Шведской Академии Гиерову не дали советской визы.

Эту скандальную для советского руководства историю Фурцева теперь объяснила так:

«Почему мы должны допускать политический акт такого характера, в нашей стране?» О том, что в других странах людям свободно вручают не только литературные, но и, впрямь, политические награды, вроде, скажем, международных ленинских премий, Фурцева в тот момент, должно быть, забыла.

Корреспондент «Юнайтед пресс интернэшнл» и «Ассошиэтед пресс» описывают поведение Фурцевой на пресс-конференции в следующих словах:

«В течение своей 90-минутной пресс-конференции, госпожа Фурцева все время переклочалась с девического восторга по поводу имеющихся, якобы, достигнутых советской культуры, на сердитые поношения Солженицына и современное искусство».

Разумеется, в тот же день, 24-го мая постоянный секретарь Шведской Академии Гиеров отверг заявление Фурцевой о политическом характере Нобелевской премии. Но, собственно, ведь и так ясно, чего стоит обвинение Фурцевой в свете присуждения Нобелевских премий, скажем, тому же Шолохову или, в прошлом году чилийскому коммунисту Пабло Неруда?

Секретарь Шведской Академии сказал также, что готов организовать церемонию вручения Солженицыну Нобелевской премии в Стокгольме в любое время, по желанию писателя. Но каждому ясно, что дело не в желаниях писателя, а в том, что литературой в нашей стране и самой страной продолжают командовать Фурцева и ей подобные.

О. Н.

вывалась. Слепление финнов и поляков не оправдывает нашего, но оно его, отчасти, объясняет.

Обязывавшая нас конспирация облегчала советским агентам их задачу. Она ограничивала наш кругозор, не допускала обсуждения и анализа того, что считалось строжайшей тайной. Посоветоваться нам было не с кем — это было бы ее нарушением. Мы были готовы на любую жертву, но, по сравнению с чекистами, были наивными детьми.

Кутепов был осторожнее, но мы это тогда не знали.

В Москве Мария Владиславовна пришла к выводу, что советская власть укрепляется и что только террор может ее поколебать. Кутепов это мнение разделил. Он придавал террору самодовольное значение и предполагал, что совершенные кутеповцами террористические акты вызовут в России — как он мне сказал — детонацию.

Когда Захарченко — с его согласия — сообщил Якушеву отношение Кутепова к террору, ответом был резкий отпор, Красной нитью в письмах Якушева Кутепову, в его разговорах с Артамоновым и мною проходила обращенная к эмигрантам просьба: «Не мешайте нам нашим непрошенным вмешательством; мы накапливаем силы и свергнем советскую власть, когда будем, наконец, готовы».

В начале июля 1926 года настал день, когда мне пришлось сообщить Кутепову категорический отказ М. О. Р. от террора. На состоявшийся в июне научный съезд в Варшаву приехал П. Б. Струве. Артамонов временно отсутствовал. Я его заменял.

Струве сообщил, что есть возможность помочь М. О. Р. крупными средствами, но что оно должно предварительное дать доказательство своего существования. В моем, сохранившемся в копии докладе, посланном одновременно Кутепову и в Москву, эта часть разговора изложена так:

«Он сказал, что метод борьбы с коммунистами может быть различен. Можно принять тактику непрерывного нанесения отдельных ударов. Можно стремиться к подготовке одного конечного

удара. Реальная осуществимость второй тактики кажется Струве мало вероятной и он склонен считать ее провозглашение уклонением от борьбы».

Ответ М. О. Р. последовал молниеносно. Якушев мне написал:

«Считаю нужным отметить, что, как бы ни была сильна у нас потребность в средствах, но для нас еще важнее достижение нашей конечной цели. К ее достижению мы идем по выработанному нами плану... Лучше еще несколько лет тяжелой, трудной работы, чем погубить дело, увлекшись легким получением средств... Кроме того, необходима конкретизация понятий. Что, например, Струве подразумевает под словами «непрерывное нанесение ударов»? Если это террор, то мы от него раз на всегда торжественно отказываемся».

Вопрос был поставлен ребром. Развязка стала неизбежной. Ее ускорили международные события, не имевшие к Кутеповской организации ни малейшего отношения.

М. О. Р. пригласило Кутепова побывать в России, чтобы там убедиться в мощи монархического подполья. Кутепов это отклонил, но согласился на встречу с представителями М. О. Р. в Финляндии. Она состоялась в конце марта 1927 года.

В воспоминаниях Бажанова, бывшего секретаря Сталина, ставшего невозвращенцем, сказано, что именно тогда политбюро получило «по линии ОГПУ» сведения о неизбежности войны с Англией. Напомню, что англо-советские отношения вступили в это время в полосу значительного напряжения.

От Кутепова я знаю, что вопрос о вероятности войны был ему задан в Финляндии Потаповым и что он, действительно, назвал ее неизбежной. Этим — как мне кажется — он вызвал неожиданный маневр чекистов. Присутствие кутеповцев в Москве показалось им в предвоенное время опасным. Они решили от них отделаться, а за одно подготовили другую провокацию.

Захарченко и Радкович знали в Москве участника М. О. Р., называвшего себя фон Стауницом. Они даже были отданы под его попечение.

Якушев, в переписке с эмигрантами, называл его Касаткиным и министром финансов тайного монархического Объединения, но за границей — по понятной теперь причине — он не появлялся.

После финляндской встречи Кутепова с Потаповым, Стауниц внезапно сознался Захарченко в том, что он в действительности, латыш Опперпут, в свое время проникший, как советский агент, в савинковский Народный Союз Защиты Родины и Свободы.

Потрясенный этим признанием женщины он сказал, что М. О. Р. — чекистская «легенда», а Якушев, Потапов и скончавшийся в 1926 году Зайончковский всегда были только исполнителями указаний ГПУ.

Он прибавил, что раскаялся в этом прошлом и хочет помочь находящимся в Москве кутеповцам, посоветовав им немедленное бегство за границу. В тот же день он и Захарченко двинулись в Финляндию, а Радкович и два его соратника — в Польшу. Советскую границу все перешли благополучно.

В Финляндии Опперпут повторил Кутепову, финнам и вызванным из Варшавы польским офицерам то, что он в Москве сказал Захарченко. Он напечатал свои разоблачения в финляндской прессе и в рижской газете «Сегодня». Он обратился к Кутепову с просьбой дать ему случай искупить вину перед эмиграцией участием в террористическом акте на советской территории. Вопреки совету тех, кто Опперпуту не поверил, Кутепов согласие дал.

В конце мая из Финляндии вышли в Россию две группы террористов. Первая состояла из Опперпута, Захарченко и молодого офицера Петерса. Ее целью была Москва. Вторая — марковец-артиллерист Виктор Александрович Ларионов и бесстрашные юноши, Сергей Соловьев и Димитрий Мономахов — должны были совершить террористический акт в Петрограде.

«Каждый террорист — сказано в изданной позже в Москве народным комиссариатом по иностранным делам книге «Белогвардейский террор против СССР» — был вооружен двумя револьверами, большим маузером, ручными гранатами, бомбами и другими взрывчатыми веществами... Ленинградская

Зарубежная Жизнь

14-ЛЕТИЕ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

В праздник всех святых в Земле Российской просиявших исполнилась 14-ая годовщина священнического служения настоятеля Св. Покровского храма отца Сергия Иванова. В этом приходе уже вошло в обычай отмечать каждую новую годовщину пастырского служения его настоятеля. На этот раз прихожане преподнесли о. Сергию адрес, в котором, в частности, отметили, что видят в нем «не только нашего настоятеля и духовного отца, но и нашего собрата, вышедшего из нашей среды и в свое время вместе с некоторыми из нас своими руками материально создавшего наш храм, а затем удостоившегося чести духовно подняться над нами и окормлять наш приход. Поэтому Вы ближе и дороже нам, чем мог бы быть другой священнослужитель, пришедший к нам со стороны. Мы надеемся, что Вы навсегда останетесь в лоне нашего прихода его настоятелем и от всей души желаем Вам этого...

...Благодаря Вас за Ваш 14-летний святой и самоотверженный труд, мы также выражаем глубокую веру, что в годину невзгод и испытаний, если их будет угодно Господу ниспослать нашему приходу, Вы будете твердо стоять за Правду Христову против зла, откуда бы оно ни исходило, чтобы сохранить в чистоте наши души, наш родной приход».

группа определенного объекта покушения не имела. Было предоставлено ее усмотрению выбрать подходящее партийное и иное собрание. Московская группа должна была взорвать общежитие сотрудников ОГПУ на Лубянке. Условлено было лишь, что ленинградская группа должна действовать лишь тогда, когда в печати появятся сведения о взрыве в Москве».

Это требование Опперпуга обрекало петроградскую группу на бездействие и давало чекистам неограниченный срок на ее поимку. Но Ларионов не выдержал бездействия. Он и его друзья проникли 7 июня в здание партийного клуба на Мойке и забросали бомбами происшедшее там собрание. По советским сведениям, 26 его участников были ранены, многие — тяжело. Пользуясь возникшей паникой, террористы скрылись и счастливо выбрались в Финляндию.

Для политбюро эта удача кутеповцев была не только неожиданной, но и страшной потому, что в тот же день в Варшаве был смертельно ранен советский полпред Войков, а вблизи польской границы — убит председатель Минского ГПУ Опанский, проезжавший по железнодорожному пути на открытой дрезине. Сделавшие это террористы обнаружены не были.

Судьба московской группы сложилась трагически для Захарченко и Петерса, а судьба Опперпуга окончательно не разгадана. В книге о «белогвардейском терроре» он не упомянут, словно никогда не существовал.

«Хотя ей — сказано в этой книге о группе — удалось подложить в дом № 3/6 по Малой Лубянке в Москве мелинитовую бомбу весом в четыре килограмма, последняя в ночь на 3 июня была обнаружена и, таким образом, бедствие было предотвращено».

Участники покушения — по этой советской версии — пытались уйти на Запад, но смерть Марии Владиславовны в перестрелке с облавой вблизи станции Дретунь и смерть Петерса в такой же перестрелке вблизи Смоленска описаны в книге подробно. Существуют документы и свидетельские показания, эту версию подтверждающие.

Однако, ГПУ, в своем сообщении, назвало Опперпуга, изобразило его белым террористом и — даже больше — описало его смерть в месте и при обстоятельствах, полностью совпадающих с теми, которые народный комиссариат по иностранным делам связал с судьбой Петерса. Возникло, поэтому, обоснованное мнение, что Опперпуг вернулся из Финляндии в Россию не для участия в терроре, а для противодействия ему.

Осенью 1944 года, в Берлине, генерал В. В. Бискупский рассказал мне, что в годы германской оккупации Киева немцами был разоблачен и расстрелян советский подпольщик, называвший себя Александром Коваленко и бароном фон Мантефелем, но оказавшийся старым, опытным чекистом Опперпугом.

После гибели Захарченко и Петерса, кутеповцы совершили в 1927 году еще несколько походов в Россию, но это обошлось им дорого — организация потеряла, по меньшей мере, 80 процентов своего состава. Некоторые были захвачены большевиками и расстреляны. Другие были убиты с оружием в руках, в столкновениях с пограничной охраной или чекистами. На берегу Онежского озера, в окрестностях Петрозаводска, пал в перестрелке один из участников боевой вылазки Ларионова — Сергей Владимирович Соловьев.

Организация была обескровлена, но ее последнее слово сказано не было. В следующем году Радкович и Мономахов дошли до Москвы. Из них первый, 6-го июня, взорвал бомбу в бюро пропусков на Лубянке. Застигнутый погоней вблизи Подольска, он застрелился. Судьба Мономахова мне неизвестна.

Пришлось подумать о пополнении кадров. Нужны были и средства, которых у Кутепова всегда было мало. В 1929 году наметилась возможность их получения и, притом, не из иностранного, а из русского источника — из заграничных вкладов дореволюционной России. Страх большевиков перед возобновлением боевой активности кутеповцев мог ускорить парижское преступление чекистов.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 151

РАКОВЫЙ КОРПУС

Но она была серо-зеленая, измученная, и он раздумал, не сказал.

На том и кончился обход.

Прибежал Ахмаджан: все уладилось, пошли и за его обмундированием. Сегодня он будет с дружкой выпивать! А справки-бумажки завтра получит. Он так был возбужден, так быстро и громко говорил, как никогда еще его не видели. Он с такой силой и твердостью двигался, будто не болел эти два месяца с ними здесь. Под черным густым ежиком, под мазутно-черными бровями глаза его горели как у пьяного и всей спиной он вздрагивал от ощущения жизни — за порогом, сейчас. Он кинулся собираться, бросил, побежал просить, чтоб его покормили обедом вместе с первым этажом.

А Костоглотовы вызвали на рентген. Он ждал там, потом лежал под аппаратом, потом еще вышел на крыльцо посмотреть, отчего погода такая хмурая.

Все небо за клубилось быстрыми серыми тучами, а за ними ползла совсем фиолетовая, обещающая большой дождь. Но очень было тепло, и дождь мог полить только весенний.

Гулять не выходило, и снова он поднялся в палату. Еще из коридора он услышал громкий рассказ взбудораженного Ахмаджана:

— Кормят их, гад буду, лучше, чем солдат! Ну — не хуже! Пайка — кило двести. А их бы говном кормить! А работать — не работают! Только до зоны их доведем, сейчас рабегутся, попрячутся и спят целый день!

Костоглотов тихо вступил в дверной проем. Над постелью, ободранной от простынь и наволочек, Ахмаджан стоял с приготовленным узелком и, размазывая рукой, блестя белыми зубами, уверенно досказывал свой последний рассказ палате.

А палата вся переменялась — уже ни Федерату не было, ни философа, ни Шулубина. Этого рассказа при прежних составах палаты почему-то Олег никогда ст Ахмаджана не слышал.

† Волею Божией 7-го июня с. г. на 61-ом году жизни скончалась наша незабвенная жена, мать, свекровь и бабушка

ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВНА БУЛАТОВА,

о чем с глубокой печалью извещают друзья и знакомых убитые горем муж, сын, невестка и внучки.

† Волею Божией 7-го июня с. г. на 61-ом году жизни после неожиданной и тяжелой болезни скончалась долголетняя участница церковного хора Св.-Покровского храма

ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВНА БУЛАТОВА,

о чем глубоко скорбят регент и хор Св.-Покровского храма в Темперлее и выражают свое сердечное соболезнование семье покойной.

† После тяжкой и мучительной болезни тихо скончалась моя любимая жена

АНТОНИНА МАКСИМОВНА НАБОЙЧИЧ,

о чем извещают муж и родственники покойной. Похоронена 1-го июня на кладбище San Martín.

как готовили Москву к приезду никсона

«Сколько себя помню в Москве — такого никогда не видел, кроме как в 67-ом, к 50-летию Октября». Так сказал один московский старожил, имея в виду чрезвычайное усердие, с которым чинилась, чистилась и рядилась столица, готовясь к первому в истории визиту президента Соединенных Штатов. Новоселье справляли люди, которые этого никак еще не ждали. Появились новые скверики, которые голос народа тут же прозвал «Никсон-скверами». Москву облетели новые анекдоты, связывающие необычайно энергичные меры по ремонту и озеленению с приездом высокого заморского гостя (хотя Промыслов, глава города, начисто отрицал такую связь, все объясняя наступившей весной).

Еще утром 22-го мая кое-где мостили Ленинский проспект, по которому должен был въехать в Москву американский президент. Но когда, несколько часов спустя, этот момент настал, то закрытые черные лимузины пронеслись с такой скоростью, что народу, вышедшему повстречать гостя, не удалось даже толком разглядеть — в какой машине он едет...

Оглядываясь назад, можно спросить, нужны ли были жертвы, понесенные организацией? Были ли они оправданы многими боевыми удачами?

Уцелевшие участники описанных мною событий могли сказать, что для них организация была политической школой. Она раскрыла им глаза на методы борьбы коммунистов с эмиграцией и часть этого опыта до сих пор не лишена значения, но, поднимая оружие против большевиков, кутеповцы думали не об этом. Их вели в бой другие побуждения. В иностранной литературе об этой эпохе существуют строки, посвященные Георгию Николаевичу Радковичу. Их написал американец, профессор Павел Блэксток. Я их — в переводе с английского — повторю:

«Как и все остальные добровольные участники боевой организации генерала Кутепова, в течение нескольких лет проникавшие в СССР с разведывательными и террористическими заданиями, Георгий Радкович полностью отдавал себе отчет в связанном с этим риске. Его жена и друзья уже лишились жизни в

таких походах. Говоря беспристрастно, делу, которому он служил, было действительно безнадежным, но тем, кого бы мы сегодня назвали истинно-верующими, нет нужды надеяться для того, чтобы что-либо предпринять. Когда он метнул свои бомбы и превратил в развалины часть ненавистной главной квартиры тайной полиции, Радкович должен был испытать мгновение свершения и преобразования, редко достигаемое обыкновенным человеком. Его безымянные соратники тоже заслужили место в храме славы испытавших поражение. Они не написали воспоминаний. Умирая, они не произносили речей, а история их забыла. Их эпитафией остался страдальческий возглас одного из них:

— Для нас нет ни снисхождения, ни сострадания!»

Кутеповцы не ожидали ни наград, ни славы. Их единственным побуждением была любовь к поруганной России. Эту любовь они нам завещали.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

— И — ничего не строят? — тихо спросил Костоглотов. — Так-таки ничего в зоне и не возвышается?

— Ну, строят, — сбился немного Ахмаджан. — Ну, — плохо строят.

— А вы бы — помогли... — еще тише, будто силы теряя, сказал Костоглотов.

— Наше дело — винтовка, ихнее дело — лопата! — бодро ответил Ахмаджан.

Олег смотрел на лицо своего товарища по палате, словно видя его первый раз, или нет, много лет его видел в воротнике тулупа и с автоматом. Не развитый выше игры в домино, он был искренен, Ахмаджан, прямодушен.

Если десятки лет за десятилетия лет не разрешать рассказывать то, как оно есть, — непоправимо разблуживаются человеческие мозги, и уже соотечественника понять труднее, чем марсианина.

— Ну, как ты это себе представляешь? — не отставал Костоглотов. — Людей — и говном кормить? Ты — пошутил, да?

— Ничего не шутил! Они — не люди! Они — не люди! — уверенно разгоряченно настаивал Ахмаджан.

Он надеялся и Костоглотову убедить, как верили ему другие тут слушатели. Он знал, правда, что Олег — смышленый, а о лагерях его он не знал.

Костоглотов покосился на койку Русанова, не понимая, почему тот не встает за Ахмаджана, но того просто не было в палате.

— А я тебя — за армейца считал. А ты во-от в какой армии служил, — тянул Костоглотов. — Ты — Берин служил, значит?

— Я никакой Берин не знаю! — рассердился и покраснел Ахмаджан. — Кого там сверху поставят — мое дело маленькое. Я присягу давал — и служил. Тебя заставят — и ты служишь...

33.

В тот день и полил дождь. И всю ночь лил, да с ветром, а ветер все холодал, и к утру четверга шел дождь уже со снегом, и все, кто в клинике предсказывал весну и рамы открывал, тот же Костоглотов — примолкли. Но с четверга ж с обеда кончился снег, пересекая дождь, упал ветер — стало хмуро, холодно и неподвижно.

В вечернюю же зарю тонкой золотой щелью просветился западный край неба.

(Продолжение следует)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ТОЛСТОВСКИЙ ФОНД

Нам пишут из Нью Йорка:

Толстовский Фонд принял участие в ежегодной Американской конференции по вопросам иммиграции и гражданства, выступившей с сообщениями представителей Государственного департамента и других правительственных учреждений по вопросам, связанным с иммиграцией, натурализацией, правом на труд, статусом беженцев и проживающих в Соединенных Штатах иностранцев, и обсудившей эти сообщения.

После конференции состоялся банкет, во время которого речи были сказаны конгрессменом Эммануилом Селлером и помощником государственного секретаря по вопросам беженцев Френсисом Л. Келлолом.

Толстовский Фонд на этом банкете представляли: К. М. Мальковская, Н. К. Казаринова, полк. Джон Л. Бэйтс, князь Т. К. Багратион-Мухранский и князь К.В. Голицын.

По приглашению Фонда, в банкете участвовали: С. Л. Войцеховский и три делегата Северо-Кавказского Общества в Америке.

Доктор

ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ

ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.

остальные дни: заказывать часы.
Pueyrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.
Т. Е. 758 - 5113

Литературное Общество имени Пушкина приглашает всех россиян на торжественное празднование 300-летия рождения Петра Великого 17 июня с. г. в 20 часов в Спортивном О-ве "Муром" (O'Higgins 1368, Florida) с участием поэтов, певцов и прозаиков, музыкальной программой, дамским буфетом, лотереей и танцами.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)

Специальное лечение корневых зубов.

Бор-машина Ultrasonico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.

Corrientes 2885, P. 2, Pto 22, Capital

Т. Е. 88 - 3605

ЕВРЕИ В СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

Президент Никсон распорядился прибавить 2 миллиона долларов к дару в размере 50 миллионов долларов, который Соединенные Штаты передали Израилю на стабилизацию его экономического положения, испытывающего затруднения в связи с большими расходами на вооружение. Дополнительная сумма прибавлена к первоначальной ассигновке для оказания помощи евреям, желающим эмигрировать из СССР.

Недавно эмигрировавшие оттуда в Соединенные Штаты Миндль Вейнгер и Серафима Каминская обратились к редакции «Нью Йорк Таймс» с письмом, в котором возразили председателю совета синагог в Америке на его заявление о том, что большинство советских евреев не помышляет об эмиграции, желая остаться в СССР и добивается только признания советской властью его права на религиозную жизнь.

По словам автора этого письма, «никто не знает, сколько советских евреев желает эмигрировать, а сколько желает остаться». По их словам прошения о разрешении покинуть пределы СССР поданы десятками тысяч евреев и число их было бы значительно больше, если бы некоторые евреи не опасались последствий подачи таких прошений. Поэтому авторы письма призвали американских евреев к продолжению кампании за предоставление всем желающим евреям возможности покинуть Советский Союз.

Проживающие в Тель Авиве еврейские ученые, профессора Иортнер, Гилеади и Косовер, обратились к американской прессе с просьбой помочь их единоверцу, профессору Вениамину Левичу, выехать из СССР в Израиль.

Они сообщили, что проф. Левич, по специальности — химик, и назвали его одним из самых выдающихся и известных всему миру электрохимиков. Он состоит действительным членом Академии Наук СССР и вице-председателем Международного Общества Электрохимии.

Узнав о желании проф. Левича эмигрировать в Израиль, университет в Тель Авиве послал ему письменное предложение принять кафедру в этом университете, но оно не дошло и было повторено по телефону. Левич предложение принял, подал прошение о разрешении эмигрировать из СССР ему и его семье и был за это лишен в конце марта кафедры в московском университете, а в апреле — положения возглавлятеля группы теоретической электрохимии Электрохимического Института Академии Наук СССР.

Призвав американцев к оказанию давления на советскую власть, авторы этого обращения написали, что «прошлый опыт показал, что правительство Советского Союза чутко прислушивается в общественному давлению в вопросе о научной свободе».

НОВЕЙШИЕ ЭМИГРАНТЫ

Нам пишут из Нью Йорка:

По полученному здесь сообщению из Новой Зеландии, правительство этой страны предоставило убежище, как по-

TESORO DE LOS ANDES

ФЕРМА ШИНШИЛЕЙ

Продаются животные по случаю съезда хозяина в другую страну.

За справками обращаться в Редакцию "Нашей Страны".

литическому эмигранту, сошедшему в Веллингтоне с советского торгового судна матросу Алексею Шульга.

В состоявшейся в Риме пресс-конференции, организованной итальянским Комитетом защиты культурной свободы, приняли участие перешедшие на положение невозвращенцев советские писатели Юрий Глазов и Юрий Титов.

«РУССКОЕ ДЕЛО»

Нам пишут из Нью Йорка:

Последний, январский номер журнала «Русское Дело», органа Представительства Российских Эмигрантов в Америке, вышел с большим опозданием и был разослан подписчикам в мае.

После рассылки этого номера, редакция журнала сообщила читателям, что, вследствие внезапной смерти владельца типографии, в которой журнал печатался, оказалось невозможным получить заготовленный для следующих номеров материал, вследствие чего в издании журнала наступил длительный перерыв.

Редакция предложила подписчикам вернуть внесенную ими подписную плату. Издание журнала, по всей вероятности, не будет возобновлено.

ПРОТОПРЕСВИТЕР Г. ГРАББЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Начальник отдела внешних сношений Архиепископского Синода русской зарубежной Церкви протопресвитер Георгий Граббе вылетел из Нью Йорка и Иерусалима, где он пробудет, предположительно, до конца июля.

По пути в Святую Землю протопресвитер Г. Граббе посетил во Франции пребывающего там первопрерарха русской зарубежной Церкви, митрополита Филарета.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

«Новое Русское Слово» сообщило, что во время своего пребывания в Иерусалиме московский патриарх Пимен был принят израильским министром исповеданий Варгафтигом и министром юстиции Шапиро и, в разговоре с ними, коснулся иска, предъявленного к духовной миссии московской патриархии в Иерусалиме духовной миссией русской зарубежной Церкви.

Патриарх — по словам газеты — обратился к израильскому министрам с просьбой о передаче московской патриархии имущества русской зарубежной Церкви в Палестине, но услышал в ответ, что споры об имуществе могут быть разрешены в Израиле только судом, но не в административном порядке.

Со своей стороны, представители израильского правительства обратились к патриарху с просьбой об оказании советским евреям содействия к эмиграции

НАША СТРАНА

ОРГАН

МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52 - 7426

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со-Редактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корневых зубов,

технические работы, рентгеновские

снимки, бор-машина ultrasonic.

Прием по предварительной записи.

Понед., вторник, четверг и пятница

от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A

Один квартал от подземной жел. дор.

Angel Gallardo по улице Corrientes

НОВАЯ ЦЕНА

В АРГЕНТИНЕ

Ввиду увеличения типографского тарифа с 15-го мая с. г.

Редакция вынуждена повысить

стоимость номера газеты "Наша Страна" в Аргентине на

1.00 (новое) песо.

Нужна особа, приходящая

три раза в неделю к пожилой

даме. Также нужно готовить.

Справки по тел. 32-0473 в

посреда, среду и пятницу

от 13 до 19 часов.

ПОКУПАЕМ САМОВАР

старинные изделия, иконы,

серебро, картины и прочее.

Телефон: 795-7082.

из СССР в Израиль и к допущению в Советский Союз главного раввина Израиля для свидания с его советскими единоверцами.

Спрошенный о причине отсутствия митрополита Никодима, который, по полученным в свое время в Тель Авиве сведениям, должен был сопровождать патриарха Пимена в его поездке, патриарх ответил, что это отсутствие вызвано болезнью митрополита.

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстро и точно. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — Т. Е. 44 - 3213

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН "ESLAVIA" В. ЛАШКЕВИЧА
AVENIDA SANTA FE 4977 — Т. Е. 771 - 5964 — CAPITAL FEDERAL

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

КАРАТЕЕВ, М. — Арабские истории	\$ 20,00
АНДЕРСЕН, Х. Г. — Сказки и истории. В 2-х томах, 1240 стр. с рисунками. Издание для подарка	\$ 19,50
ПЕТРОВ, Д. М. — Сыны степей донских. Истор. роман. 586 стр.	\$ 8,50
ЛОГУНОВА, Н. — Ирина. Роман	\$ 11,00
ЛОГУНОВА, Н. — Оленька Белл. Роман	\$ 14,00
ЛОЛЕНЦ, З. К. — Кольцо царя Соломона. Перевод с англ.	\$ 4,50
ЛАВРОВ — Вы, Ваш ребенок и мир вокруг. (Книги для родителей)	\$ 2,60
ТОЛСТОЙ, Л. Н. — Война и мир. В 2-х томах	\$ 16,00
ТОЛСТОЙ, Л. Н. — Сказки и рассказы. В 2-х томах	\$ 4,00
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА (Лучший подарок Вашим знакомым и хозяйке). Цветные иллюстрации	\$ 29,00
СОКОЛОВ, Н. — Убийство Царской Семьи. С иллюстр.	\$ 32,00
ВАГНЕР, Т. К. — Суздаль. Альбом. Фотогр. черные и цветные. Полная биография эпохи	\$ 28,00
ЖИВОЕ СЛОВО (Лит. художественный сборник). 750 стр.	\$ 12,00

ТАКЖЕ ИМЕЕТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОР ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ШКОЛЬНЫЕ И ПИСЧЕБУМАЖНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Книги высылаются по заказу в провинцию и во все страны мира.

Цены даны в новых аргентинских песо.

Пересылку оплачивает покупатель.

ТРЕБУЙТЕ НОВЫЕ КАТАЛОГИ.

Корреспонденция и денежные переводы посылать по адресу:

WLADIMIRO LASZKIEWICZ — Avda. SANTA FE 4977 — BS. AIRES

VIAJE A SU GUSTO

Y CONVENIENCIA

Venga a

“REX”

AGENCIA DE VIAJES Y TURISMO INTERNACIONAL

R. S. Peña 995 - 3º D

35 - 5251 - 7958